

9. Соловьев В.С. Общий смысл искусства // Философия искусства и литературная критика. – М.: Искусство, 1991. – 701 с.
10. Феодор Студит. Письмо преподобного Феодора Студита своему духовному отцу Платону // Преподобный Феодор Студит. Великое оглашение. Ч. II. – М.: Изд-во им. Свт. Игнатия Ставропольского, 2001. – С. 307–311; Творения преподобного Феодора Студита в русском переводе. – Т. I, II. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. Духовной Академии. 1907–1908. – URL: <http://nesusvetnarodru.ru/ico/books/feodor.htm> (дата обращения: 13.06.2011).
11. Флоренский П.А. Молельные иконы преподобного Сергия // Избр. тр. по искусству. – М.: Изобразительное искусство, 1996. – 332 с.

УДК 316.7

Е.Л. Зберовская

ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СИСТЕМЫ

В статье рассматривается понятие «социокультурная система», определяются факторы, влияющие на ее развитие. Как системообразующее основание представлены ценности. Особое место среди них отведено толерантности, которая при определенных условиях является продуктом развития социокультурной диссипативной системы.

Ключевые слова: социокультурная система, ценности, толерантность, комплиментарность, диссипативность.

E.L. Zberovskaya

FACTORS OF SOCIO-CULTURAL SYSTEM DEVELOPMENT

The concept «socio-cultural system» is considered, the factors influencing its development are considered in the article. The values are presented as the system forming basis. Special attention is given to the tolerance which under certain conditions is a product of socio-cultural dissipative system development.

Key words: socio-cultural system, values, tolerance, complementary, dissipativity.

Системный подход завоевал прочные позиции в современной науке. Его интегративность и полифункциональность обеспечивают универсальность применения в различных областях познания, в т.ч. и в гуманитарных. Изучение общественных систем как определенной культурной целостности стало предметом особого внимания для исследователей в XX – нач. XXI вв. Одной из актуальных проблем в этом плане является изучение факторов, влияющих на становление и генезис социокультурной системы. В предлагаемой статье мы выделим некоторые, определяющие ее развитие.

Понятие «социокультурная система» в научном обиходе является достаточно «молодым». Его постоянное употребление можно отнести к XX веку, когда окончательную научную «прописку» получил принцип системности, сформировались науки культурология и социология, в которых «социокультурная система» становится одним из центральных понятий.

Ключевым в этой проблеме выступает суть понятия «система». Начиная с античной философии, ученые использовали в описании реальности системный подход, не оперируя им как самостоятельной научной категорией. В новое время, с развитием рационалистической линии в науке, в работах И. Канта, Ж. Ж.Руссо, Г. Гегеля и др. системный подход занимает центральное место, выделяются признаки системы. В XX веке дальнейшая дифференциация научного познания выдвинула системный подход на роль интегрирующего в разных областях знания. Он стал важным инструментом междисциплинарного исследования. Эволюция системного подхода достаточно подробно исследуется в современных работах (Ушакова Е.В., Садовский В.Н., Винограй и др.) [1].

Системный подход выявляет элементы и уровни и вместе с тем показывает их неразрывную связь и единство. Системный анализ культуры позволяет выделить ее материальный и духовный компоненты в их

неразрывной связи. В самом общем виде система представляет собой совокупность элементов, их взаимодействие и взаимовлияние, что обеспечивает еще одну важную характеристику системы – ее динамизм и функцию. Б. Малиновский считал, что функциональный подход к изучению культуры является интегральным для историко-культурных и антропологических исследований, поскольку позволяет изучать любую культуру как совокупность элементов и институтов: «во всем многообразии спектра культур, существующих в человеческом обществе, возникают одни и те же институты» [2, с.72–77]. К ним он относил семью, власть, право, религию, искусство и развлечения.

Учитывая вышеприведенную интерпретацию функционалистов, мы полагаем, что функции культуры как системы определяются в ее назначении. Считаем, что основной функцией любой социокультурной системы является удовлетворение духовных потребностей заключающих ее индивидов.

Культурная система тесно связана с системой социальной (не случайно интегрированное понятие «социокультурная система» активно используется в последние десятилетия). Их взаимосвязь рождается в результате влияния, оказываемого обоими компонентами этого понятия. Культура является продуктом деятельности общества и его субъектов, но без усвоения результатов предыдущей деятельности общество не сможет полноценно развиваться. В культуре выражаются отношения человека и природы, человека и общества, человека к человеку.

По мнению П. Гуревича, социальный и культурный циклы развития не всегда могут совпадать. В прошлом социальный цикл был короче культурного, а индивид, появляясь на свет, заставлял и действовал в уже существующей системе культурных ценностей. Таким образом, она обслуживала жизнь многих поколений. В XX веке произошел разрыв культурного и социального циклов, что привело к чередованию на протяжении одной жизни нескольких культурных эпох. Динамика социально-экономического развития обеспечила динамизм и многообразие культур, сосуществование которых усложнило функционирование социальной системы.

Социокультурную систему можно определить как многоуровневую взаимосвязь индивидов в определенном пространственно-временном контексте, обеспечивающую удовлетворение материальных и духовных потребностей, возникающих в процессе их бытия.

Существование многоуровневых связей позволяет оценивать социокультурную систему с позиций теории самоорганизации, получившей развитие во второй половине XX в., в т.ч. в работах российского философа М.С. Кагана [3]. Он определял эволюцию системы как «процесс, детерминированный изнутри». Однако другие исследования (в частности, работы Лумана) показывают, что процесс самоорганизации, получение «порядка из хаоса» определяются не только внутренними, но и внешними воздействиями. И. Пригожин отмечал, что при построении динамической модели сообщества людей, прежде всего, следует помимо определенной внутренней структуры учитывать довольно жестко заданное внешнее окружение, с которым рассматриваемая система обменивается веществом, энергией, информацией [4, с. 275]. Таким образом, развитие социокультурной системы определяется комплексом внутренних и внешних факторов. К первым можно отнести цельность системы, вытекающую из ее структуры и функции, аксиологическую основу, формирующую внутреннее содержание системы, технологический, духовно-религиозный, социально-экономический факторы. Ко вторым – географический, геополитический факторы, влияние миграции, мировые социокультурные и цивилизационные процессы.

Социокультурную систему в целом можно рассматривать как диссипативную, подверженную постоянным изменениям, в большей или меньшей степени открытую. Диссипативность системы во многом отражает ее диалектичность, создает условия для многовариантного развития.

Одной из значимых системных характеристик является целостность. Она понимается как единство и взаимосвязь элементов, обеспечивает их совместное движение. В случае социокультурной системы, вне зависимости от степени ее открытости, целостность определяют ряд факторов: природное пространство, единство языка, прочность горизонтальных и вертикальных связей, охранительные действия власти, степень свободы субъектов системы, сохранение и воспроизводство культурных ценностей. Последнее условие имеет определяющее значение, поскольку воспроизводимые на уровне индивидуального и общественного самосознания ценности обеспечивают действие всех остальных перечисленных условий.

Однако существуют и иные мнения по определению приоритетных начал в развитии системы. Так, А.А. Пелипенко пишет, что основой всеобщей органической связи внутри системы выступает единство принципов смыслообразования, которое определяется когнитивными технологиями оперирования бинарными оппозициями и ментальными структурами, формирующимися на их базе [5, с. 57]. Это суждение, несомненно, заслуживает внимания, особенно применительно к простым сообществам (первобытного мира), где социальные структуры находились в стадии формирования, а осознание

человеком самости пребывало в зачаточном состоянии. Даже в этом состоянии нельзя исключать ценностный фактор из процесса формирования сознания. Только тогда сознание можно представить как явление культуры. Аксиологическая составляющая участвует в смыслообразовании, влияет на когнитивные технологии. Так, трудно представить себе когнитивные практики средневекового человека вне религиозной традиции, на которой базировалось традиционное общество.

Религиозные верования как ценность, определяющую мировоззрение индивида, его духовные устремления, можно многократно оценить на примерах разных социокультурных систем. История одного из коренных народов севера – эвенков – позволяет убедиться в этом. Сохранившиеся у народа вплоть до сегодняшнего дня культы огня, хозяев природы, промысловых животных позволили ему, несмотря на активное проникновение и влияние русских, не менять привычный охотничье-оленоводческий тип хозяйствования. Целостность этнической организации обеспечивает, например, шаманизм, не утративший до сих пор своего культурного и общественного значения. Шаманы выступают не только как носители определенных магических знаний, определяющих их статус и авторитет, но и как хранители сложившегося веками мировоззрения, тесно связавшего эвенка с природным миром.

Роль традиций в поддержании целостности этнокультурного социума можно оценить и обратившись к современным аборигенным сообществам Америки. В исследовании Г.Г. Ершовой подробно рассматривается, как это происходит при помощи служителей культов [6, с. 96–103]. В современной индейской деревне колдун остается самым уважаемым человеком: к его советам и предсказаниям прислушиваются, к нему обязательно приводят важных гостей. Шаманы как хранители традиций оставили специальный обряд инициации, который, как и в древности, длится 180 дней, когда происходит их обучение и посвящение.

Значение целостности этнокультурной системы определяется не только аксиологической составляющей. Мы видим в ней еще одно назначение – структурное. Она призвана показать мир как единую картину, сложившуюся в сознании определенной социальной группы. Структурализм как подход в научном познании возникает у исследователей разных этнокультурных сообществ. Взаимосвязь структуры и единства отмечал в своих работах К. Леви-Строс, на важность познания факта как части целого указывал сторонник функционального метода Б. Малиновский. Целостность как структура просматривается в практических работах по изучению мировоззрения отдельных этнических групп [7].

Таким образом, целостность как системная характеристика социокультурных систем определяется прежде всего как духовное единство, определяющее своеобразие системы.

Очевидно, что каждая социокультурная система аксиологически индивидуальна. В этом плане можно солидаризироваться с выводом М.С. Кагана, что весь этот набор ценностей специфичен для современного этапа истории европейской культуры – он был неведом, например, культуре русского Средневековья и он совершенно чужд современной мусульманской культуре [8]. Вместе с тем важным является определение роли ценностей и традиций как элементов любой культурной системы.

Значение ценностей как образующего социокультурную систему фактора можно проследить на примере российского немецкого этноса. Появление немецких колоний на Волге в середине XVIII в. было исходным пунктом в создании новой социокультурной и этнокультурной системы – российские немцы. Изначально ее нельзя было назвать «открытой», поскольку переселенцы стремились сохранить свои религиозные традиции, праздники, язык, одежду, тип жилища, обряды и т.д. И это им почти полтора столетия в значительной степени удавалось делать, несмотря на изменения и влияние инокультурной среды. Локализация немецких переселенцев, как правило, проходила по конфессиональному признаку: католики, лютеране, меннониты. Описываемые Я.Е. Дитцем немецкие колонии еще в начале XX в. во многом сохраняли черты традиционного общества: абсолютная власть отца над домохозяевами, чрезвычайная религиозность, беспрекословное подчинение начальству, аграрный тип хозяйства и др. [9]. Проведение сватовства и свадебных обрядов, устройство престольных праздников (кирмесов), встреча Нового года передавались в поколениях. Очевидно, что традиции цементировали сложившуюся социокультурную систему.

Внешними факторами, воздействующими на немецкое переселенческое сообщество, были: непривычная природная среда (прежде всего суровая для колонистов снежная зима), кочевники, периодически совершавшие набеги на поселения, местная власть, администрировавшая колонии. Результатом воздействия внешних условий стало появление этнокультурного образования – российские немцы, про которых Я.Е. Дитц писал: «колонист не немец (в западноевропейском смысле), однако и не русский» [9, с. 377]. Внешние факторы поддерживали диссипативность российского немецкого социума, но полностью не разрушали его.

Определяющим условием для существования немецкого этнокультурного сообщества в России стали миграции. Основные «волны» массовых переселений приходятся на конец XIX – нач. XX вв., нач. 1940-х гг., конец 1980-х – 2000-е гг. В результате добровольных и принудительных миграций немецкая этническая группа в сер. XX в. оказалась расселенной в новом социокультурном пространстве Сибири и Средней Азии. Однако и в новых условиях воссоздание немецкой этнокультурной среды происходило за счет поддержания традиций. А.И. Савин отмечает, что даже в условиях политики секуляризации, активно осуществлявшейся большевиками в 1920–1930-е гг., немецкое крестьянство в Сибири предприняло попытку сохранить свои верования и традиции, обеспечить их восприятие и усвоение молодежью [10, с. 73]. Несмотря на репрессии, немецкие религиозные общины Западной Сибири продолжали активную деятельность по религиозному внешкольному воспитанию детей.

Сохранение религиозных традиций, вопреки политике советской власти по их ликвидации, прослеживается в самые трудные для этноса 1940–1950-е годы – депортации и пребывания в условиях спецпоселения. Несмотря на дисперсное расселение, ссыльные немцы постепенно находили возможности этнической консолидации, собираясь для отправления богослужения в нелегальных молитвенных домах. Как сообщал уполномоченный Совета по делам религиозных культов в Красноярском крае, только в Березовском и Краснотуранском районах тайно действовали четыре таких дома, объединяющих от 15 до 25 верующих [11]. Несомненно, сталинская депортация нанесла сокрушительный удар по сложившейся этнокультурной системе российских немцев, после которой воссоздание прежней социокультурной целостности было невозможно. Однако поиски внутренней консолидации в условиях утраты своей природной территории проживания (Поволжья, Прибалтики, Украины) представители этноса осуществляли на путях возрождения религиозных, а затем и народных традиций.

Т.Б. Смирнова, основываясь на собранных в полевых экспедициях 1990–2000-х гг. материалах, определяет, что у сибирских немцев в условиях инокультурного окружения происходила консервация архаичных элементов культуры, которые со временем утверждаются как этнические символы [12]. Наиболее отчетливо эти тенденции проявляются в свадебной, похоронной обрядности и календарных праздниках зимнего цикла.

Таким образом, история российских немцев показывает, что традиции как системообразующий фактор могут длительное время сохранять для этноса роль связующего элемента, консервирующего систему и придающего ей устойчивость.

Несомненно, ценности являются консервативным основанием в социокультурной системе. Однако и оно способно испытывать бифуркационное напряжение, которое может привести, например, к появлению новых ценностных установок или модернизации уже существующих. В любом случае эти изменения происходят из-за явлений внутренней самоорганизации системы и внешних воздействий на нее.

Появление и развитие новых социально-экономических отношений в европейском обществе в раннее новое время как явление внутренней самоорганизации привело к возникновению новых ценностей – свободы и накопительства. Фраза Б. Франклина «время-деньги» становится лейтмотивом обновляющейся западноевропейской системы. Хотя новые ценности еще долго сосуществуют с прежней ценностной системой, в основе которой находятся Бог и земля.

Модернизация существующих установок может происходить под влиянием инокультурного окружения. Так, история христианизации аборигенов русского Севера представляет примеры возникновения религиозного синкретизма, когда аборигены-язычники под воздействием русских переселенцев и миссионеров включали в свой пантеон богов и русских святых [13]. Особо почитаемым у коренного населения стал образ Св.Николая – Чудотворца. История христианизации енисейского Севера содержит проявления не только двоеверия, но и троеверия, когда наряду с русскими святыми в пантеон могли быть включены «соседские» боги. Однако добровольное или принудительное (христианизация) заимствование не исключало существования собственных культов природы, огня, животных. Таким образом, внешнее воздействие модернизировало, но принципиально не меняло основные ценностные установки, выражавшие отношения человека к миру.

Особым социокультурным феноменом является формирование толерантности как ценности социума. Как форма межэтнического взаимодействия толерантные отношения возникают в разных историко-культурных системах, но как осознанная потребность, ценность индивидуумов и социума в целом – появляются в современном обществе. Исследуя философско-антропологические основания толерантности, В.М. Золотухин пишет, что «осознание толерантности зависит от ментальной идентичности нации, народа или государства, от их готовности к ее восприятию и воспроизводству» [14, с. 23]. Мы считаем, что она является продуктом духовного генезиса социокультурной системы, в котором развиты комплиментарные

начала. По мнению М.Б. Абсаямова, комплиментарность следует понимать как самодетерминированную внутреннюю особенность человека культуры (ценности и ценностные ориентации, мышление, сознание, воля, деятельность и т.д.), его предрасположенность к толерантному диалогу [15, с. 327]. Примером генезиса может служить полиэтничная социокультурная система Сибири, сформировавшаяся под воздействием постоянных добровольных и принудительных миграций, поддерживавших диссипативное состояние системы [16].

Может ли толерантность выступать как ценность, стабилизирующая функционирование системы? По мнению В.М. Золотухина, толерантность, так же как и агрессивность, может быть направлена на сохранение общества, но бесконтрольная агрессия, равно как и неограниченная терпимость, приводит его к самоуничтожению [14, с.21]. На наш взгляд, толерантность способствует большей «открытости» системы, но не приводит к ее устойчивости. Условием существования толерантности как ценности системы является ее осознание как потребности всеми субъектами культурного диалога, наличие у них комплементарного поведения.

Таким образом, ценности являются базовым основанием для существования социокультурной системы. Диссипативность системы определяет его консервативную роль, но и влияет на генезис ценностных установок, приводя их в соответствие с новыми социокультурными реалиями.

Литература

1. Ушакова Е.В. Системная философия и системно-философская научная картины мира на рубеже третьего тысячелетия. Ч. 1. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – 264 с.; Винограй Э.Г. Методологический проект развития системной философии. – Новосибирск, 1996. – 66 с.
2. Малиновский Б. Избранное: динамика культуры: пер. с англ. – М.: РОССПЭН, 2004. – 959 с.
3. Каган М.С. Философия культуры. – СПб., 1996. – 415 с.
4. Николис Г., Пригожин И. Познание сложного. – М.: Мир, 1990. – 344 с.
5. Пелипенко А.А. К проблеме межсистемных переходов в культуре // Цивилизации. Вып.8. Социокультурные процессы в переходные и кризисные эпохи / отв. ред. А.О. Чубарьян. – 2008. – 276 с.
6. Ершова Г.Г. Древняя Америка: полет во времени и пространстве. Мезоамерика. – М.: Культурный центр «Новый Акрополь», 2007. – 392 с.
7. Например, Прищепа Е.В. Мифологические и магические представления чалдонов Хакасско-Минусинского края. – 2-е изд. – Красноярск, 2011. – 200 с.; Андюсеев Б.Е. Традиционное сознание крестьян-старожилов Приенисейского края 60-х гг. XVIII – 90-х XIX вв.: опыт реконструкции. – Красноярск: РИО КГПУ, 2004. – 264 с.
8. Каган М.С. Философская теория ценности. – СПб., 1997. – 205 с.
9. Дитц Я.Е. История поволжских немцев-колонистов. – 3-е изд. – М.: Готика, 2000. – 496 с.
10. Савин А.И. Религиозная жизнь немцев Сибири в 1920-е гг. // Толерантность и взаимодействие в переходных обществах. – Новосибирск: Изд-во Ин-та истории СО РАН, 2003. – 120 с.
11. ГАКК. Ф.Р. 2384. Оп.1. Д. 105. Л. 2.
12. Смирнова Т.Б. Немецкое население Западной Сибири в конце XIX – начале XXI вв.: формирование и развитие диаспорной группы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Омск, 2009. – 35 с.
13. Аблажей А.М., Стороженко А.А. Формирование традиций толерантного взаимодействия в процессе межконфессиональных контактов (на материале истории христианизации аборигенов Обского Севера) // Толерантность и взаимодействие в переходных обществах. – Новосибирск: Изд-во Ин-та ист. СО РАН, 2003. – С. 3–6.
14. Золотухин В.М. Толерантность как проблема философской антропологии: автореф. дис. д-ра философ. наук. – Екатеринбург, 2006. – 44 с.
15. Абсаямов М.Б. Сибирь: бытие и время. – Красноярск: Изд-во КрасГАУ, 2008. – 334 с.
16. Зберовская Е.Л. Комплиментарность как важнейшая характеристика полиэтничной среды сибирской культуры // Вестник КрасГАУ. – 2010. – Вып. 5. – С. 173–178.

